

венных отношений. И как бы предупреждая избытые возражения сторонников теории факторов против метода К. Маркса, В. И. Ленин продолжает: «Таков скелет «Капитала». Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что — **объясняя** строение и развитие данной общественной формации **исключительно** производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»⁷.

Заслуга К. Маркса, по мысли В. И. Ленина, состояла в том, что он выдвинул и с исключительной последовательностью провел в «Капитале» найденный им фундаментальный принцип материалистического монизма в понимании истории. Выделение производственных отношений в качестве первичных и определяющих все другие общественные отношения явилось тем исходным пунктом марксова исследования, который дал возможность постигнуть сложную структуру социальной жизни, определить место и роль различных ее элементов, объяснить их субординацию и взаимосвязь, т. е. охватить единым пониманием всю совокупность жизни общества. Только последовательный материализм оказался способным преодолеть неизбежную путаницу, вносимую в социальную науку защитниками теории факторов, и выработать не одностороннее, а целостное, синтетическое понимание истории человеческого общества. Только этот путь — от производственных отношений к другим общественным отношениям — позволил дать не перечень различных факторов социального развития; а прийти к научному пониманию общества как связанного и единого целого. Эту мысль В. И. Ленин всесторонне обосновал как в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», так и в работах последующих лет.

Методология плюрализма, принятая сторонниками теории факторов, как показал В. И. Ленин, продемонстрировала свою неспособность вывести социологическую мысль на верный путь исследования общественных явлений. Порождая произвол в науке об обществе, плюралистическое истолкование социальной жизни приводит его сторонников в конечном счете к пессимистической оценке возможностей достоверного познания законов исторического развития. Агностицизм всегда был и остается одной из существенных характеристик теории факторов.

Изучение различных школ современной буржуазной социологии свидетельствует о том, что теория факторов является и ныне прикрытием идеализма, создавая лишь видимость какой-то нейтральной, беспартийной позиции. На самом же деле эта эклектическая теория представляет собою разновидность исторического идеализма в буржуазной философии и социологии нашего времени.

¹ Милль Дж. С. Система логики. — М., 1914, с. 848.

² См.: Михайловский Н. К. Соч., т. 1. — СПб., 1896, с. 77—78.

³ См.: Социологическая мысль в России. — Л., 1978, с. 219.

⁴ Бернштейн Э. Очерки по истории и теории социализма. — СПб., 1902, с. 375.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 37.

⁶ См.: Там же, т. 1, с. 137.

⁷ Там же, с. 138—139.

А. Н. ПЕРЕВАЛОВ

К ВОПРОСУ О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ МЕТАФИЗИКИ

С прогрессом познания и обострением идеологической борьбы модифицируются не только научные философские учения, но также и ненаучные философские концепции, в частности, метафизика и тесно связанный с

ней идеализм, которые пытаются приспособиться к новым историческим условиям. Анализ новейших проявлений метафизического способа мышления требует прежде всего исследования его гносеологических источников.

В истории домарксистской философии зачастую бывало так, что диалектические и метафизические моменты совмещались в рамках одной и той же философской концепции, и диссонанс между ними едва лишь намечался, не перерастая в конфликт. В таких случаях метафизика носила для своего времени недиалектический характер¹. Однако с началом борьбы буржуазной философии против марксизма, с обострением идеологических противоречий в период всеобщего кризиса капитализма, метафизический способ мышления все более становится антидиалектическим. Дело в том, что материалистическая диалектика «внушает буржуазии и ее идеологам-доктринерам лишь злобу и ужас»².

Современная немарксистская литература, как правило, намеренно зауживает содержание понятия «метафизика». Так, профессор Лондонского университета Х. Б. Экстон считает, что «...слово метафизика вообще употребляется для выражения: а) самой философии как науки о первичных принципах; б) спекулятивной философии, т. е. философии, которая требует заключений о мире на основе априорных аргументов»³. В энциклопедической литературе Запада нигде даже не упоминается, что помимо отмеченных понятие «метафизика» в марксистской (и не только в марксистской) литературе имеет еще одно значение — способ мышления, противоположный диалектическому.

Анализируя причины возникновения и существования метафизики, классики марксизма-ленинизма указывали на то, что этот способ мышления имеет определенные гносеологические истоки. Сложность, противоречивость процесса познания являются одним из важнейших условий появления и существования метафизического способа мышления. Ф. Энгельс отмечал, что люди стоят перед противоречием: с одной стороны, перед ними задача — познать объективный мир во всем его богатстве и многообразии, в его «совокупной связи», а с другой стороны, историческая ограниченность человеческих познавательных способностей и неисчерпаемость, неограниченность объективного мира «не позволяет им когда-либо полностью разрешить эту задачу»⁴.

Это противоречие имеет объективную основу. Действительно, человеческое сознание не способно отразить материальный мир с полной адекватностью. Необходимым условием полной адекватности отражения является «способность отображающей системы воспроизвести в иной форме и в строгом соответствии все особенности отображаемого»⁵. Даже теоретически это условие никогда не может быть удовлетворено. Во-первых, потому, что каждое явление, каждый предмет объективного мира неисчерпаем в своих свойствах и отношениях в процессе бесконечного изменения. И, во-вторых, потому, что невозможно появление столь универсального человеческого познавательного аппарата, который был бы способен воспроизвести в иной форме и строгом соответствии не только каждую из бесчисленных особенностей отображаемого класса предметов и явлений, но и особенности единичного представителя этого класса.

Неспособность человеческого сознания на определенном этапе познавательного процесса охватить реальный мир во всем многообразии его связей вынуждает человека, познающего отдельные вещи и явления, вырывать их из естественной и исторической связи и исследовать в отдельности по их свойствам, их особым причинам и следствиям. В. И. Ленин отмечал, что человек не может познать окружающий мир, «не прервав непрерывного, не упростив, углубив, не разделив, не омертвив живого»⁶.

Таким образом, познанию вообще (особенно в связи с процессом абстрагирования) присущи элементы известного огрубления, упрощения, «искажения» действительности. Именно эти моменты, неотделимые от развивающегося, человеческого познания, обуславливают возможность появления метафизических представлений. Но эта общая возможность сама по себе еще не ведет с неизбежностью к метафизике. Имеются и более конкретные гносеологические причины появления и существования метафизического способа мышления.

Действительно, человек для достижения истинного познания бесконечно сложного, многообразного реального мира вынужден рассматривать вещи и явления обособленно; он должен «огрублять», «омертвлять» познаваемый мир. Однако ни обособленное изучение объектов, ни сам про-

цесс огрубления не ведут еще с необходимостью к метафизике, поскольку эти неизбежные моменты человеческого познания снимаются другими сторонами диалектического процесса познания. Все явления объективного мира внутренне противоречивы. Категории материалистической диалектики — относительность и абсолютность, непрерывность и дискретность, изменчивость и устойчивость, тождество и различие и т. д. — отражают эти реальные противоречия. Когда же человек разрывает (сознательно либо бессознательно) эти диалектически взаимосвязанные стороны объективного мира и процесса отражения реальности в сознании человека, преувеличивает роль какого-либо из этих моментов, «раздувает» одну из этих противоположностей в абсолют, он с неизбежностью переходит на позиции метафизики.

Определенное теоретическое обоснование метафизический способ мышления получил в абсолютизации и онтологизации законов формальной логики, т. е. в рассмотрении их как всеобщих законов бытия и мышления⁷. Еще Гегель отмечал, что метафизика «делала своим принципом абстрактное тождество»⁸, для которого вещь не может быть одновременно сама собой и другой. Закон исключенного третьего, как известно, утверждает невозможность отвечать на один и тот же вопрос в одно и то же время и в одном и том же смысле и «да» и «нет». Представляется, что именно рассмотрение законов формальной логики в качестве универсальных законов бытия и мышления явилось своеобразным теоретическим обоснованием принципов метафизического способа мышления. Необходимо отметить, что вопрос о соотношении метафизики и формальной логики является дискуссионным и требует отдельного рассмотрения.

Метафизический способ мышления имеет большую историко-философскую традицию. В своем развитии он прошел ряд исторических форм. Абсолютизация принципов и научных идей, узловых для основных этапов развития познания, нередко выступала в качестве гносеологической предпосылки различных метафизических концепций. Например, переход естественных наук к изучению природы в ее отдельных частях, к сбору фактов и классификации явлений (XVI—XVII века) сделал возможным абсолютизацию изолированного исследования предметов и явлений. Эта возможность была реализована Бэконом и Локком, которые перенесли метод изолированного исследования в философию. Раскрытие механических взаимоотношений макротел породило такую форму метафизики, как механицизм; метафизическим откликом на эволюционное учение Ч. Дарвина стал плоский эволюционизм, революцию в физике на рубеже XIX—XX веков приспособил к своим целям релятивизм и т. д.

Современная эпоха, характеризующаяся бурным прогрессом познания в условиях нарастания классовой борьбы, приводит к столь же разнообразным проявлениям метафизического способа мышления. Характерной чертой современных противников диалектики является попытка создать философию, заменяющую, часто в завуалированной форме, марксизм и его диалектический метод. Многие буржуазные идеологи стремятся найти такую теорию, которая хотя бы внешне походила на диалектический материализм, а, по существу, заменяла бы его. Такие надежды возлагаются на структурализм, который в последнее время получил широкое распространение в западноевропейской философии.

Понятие «структурализм» достаточно неопределенно, ибо можно говорить о структурализме философском, естественнонаучном, а также о структурализме в отдельных конкретных науках (лингвистике, литературе, эстетике, этнографии и т. д.). Необходимо различать структурализм как общую методологию и структуральные методы как совокупность рабочих исследовательских приемов. Эти методы носят конкретно-научный характер и играют, как правило, позитивную роль в познании. Структурализм же как учение, охватывающее методологию и общий принцип, направляющий совокупность рабочих приемов, не только несовместим с научной философией, но и является ее идейным противником в целом и в области диалектики в особенности.

Метафизический характер структурализма отчетливо обнаруживается уже в его основном положении, утверждающем, что структура имеет явное преимущество перед элементами и обладает абсолютной независимостью от последних (Ф. де Соссюр, М. Фуко, К. Леви-Стросс и др.). При этом понятие «элемент», неправомочно подменяется понятием «субстанция»⁹. Таким

образом, абсолютизация структур, взятых в «чистом» виде, принимает вид антисубстанциализма.

Гносеологическая возможность антисубстанциализма, как и любой другой формы проявления метафизического способа мышления, коренится в диалектической противоречивости процесса познания. Появление в XX веке таких наук, как кибернетика, бионика, семиотика, объектом исследования которых стали сложные системы, привело к некоторому смещению внимания с субстратной точки зрения на структурную. Выдвижение на первый план относительной независимости структуры от ее элементов в значительной мере способствовало прогрессу научного познания. В то же время появилась реальная возможность абсолютизации относительной независимости внутренних отношений от самих элементов, охваченных этими отношениями. Эта возможность была реализована структурализмом, который превратил методическое положение о примате отношений над элементами в системе в общий принцип.

В противоположность отрыву в философском структурализме отношений от их носителя, структуры от субстанции материалистическая диалектика исходит из их единства при примате субстанции. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что отрицать в какой-либо области действительности субстанцию — значит «не признавать никакого отличного от мышления — бытия, никакой отличной от самопроизвольности духа — энергии природы»¹⁰.

Нетрудно заметить, что придавая понятию «структура» субстанциональный характер, представители структурализма стремятся смазать различие между материей и сознанием, и это в конечном счете приводит их в лагерь идеализма.

Не менее отчетливо, чем в антисубстанциализме, метафизический характер философского структурализма проявляется в его антиисторизме. Здесь метафизические выводы вытекают из неправомерного преувеличения частного приема познания, допустимого в определенных и весьма узких границах. Известно, что рассмотрение внутренних связей объекта в отвлечении от их исторического происхождения оправдано по отношению лишь к некоторым областям действительности, например, к системе знаков. Будучи раз данной, такая система должна изучаться прежде всего с точки зрения взаимосвязи самих знаков. Некоторые структуралисты, например, К. Леви-Стросс, признают, что структурализм может быть применим в определенных, весьма ограниченных областях, обладающих автономией и относительной независимостью от других областей¹¹. Однако ни сам К. Леви-Стросс, ни другие представители структурализма не следуют этому соображению и развивают структурализм как общую методологию и философию общественных наук. Исследуя социальные объекты, они рассматривают их по аналогии с языковыми структурами не в процессе их формирования и развития, а как замкнутые в себе, изолированные в пространстве и находящиеся вне времени структуры¹². Таким образом, при изучении исторических фактов структурализм принимает во внимание только один элемент диалектики — взаимодействие элементов внутри данной системы. Диалектический же метод не ограничивается описанием внутренних связей в данной социальной системе. Его интересует прежде всего не структура, как таковая, не сосуществование элементов социальной системы, а законы ее изменения, развития, переход одной формы в другую. Диалектический материализм не отрицает значения структурного анализа социальной жизни. В то же время он исходит из того, что изучение данного общества с учетом его исторического развития играет существенную роль в понимании особенностей его структуры и составляющих его элементов.

Рассмотренные выше разновидности метафизического способа мышления не исчерпывают всего многообразия форм его проявлений. Однако анализ их гносеологической сущности позволяет сделать вывод, что метафизическим является такой способ мышления, который исходит из разрыва реальных диалектических противоположностей и односторонней абсолютизации одной из них. Выявление гносеологических источников каждой конкретной формы проявления метафизического способа мышления является важным условием успешной борьбы против современных метафизических концепций.

¹ См.: Нарский И. С. Диалектическая проблематика в творчестве Спинозы. — Философские науки, 1978, № 3.

- ² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 22.
- ³ Aston H. B. The Illusion of the Epoch.— London, 1955, p. 74.
- ⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 36.
- ⁵ Теория отражения и современная наука.— М., 1966, с. 206.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 233.
- ⁷ См.: Поварнин С. И. Диалектика и формальная логика.— В кн.: Вопросы диалектики и формальной логики, вып. 2.— Л., 1971, с. 96.
- ⁸ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1.— М., 1974, с. 144.
- ⁹ См.: Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование.— М., 1971, с. 29.
- ¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 157.
- ¹¹ См.: Levi-Strauss C. Le structuralisme n'est pas une philosophie.— Temoignage Chretien, 1965, № 1141, p. 17—18.
- ¹² См.: Козловский В. В. Материалистическая диалектика и ее современные противники.— М., 1978, с. 195.

Я. С. ЯСКЕВИЧ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ТОЧНОСТИ ЯЗЫКА НАУКИ

Успех научного исследования во многом определяется точностью понятийно-терминологического аппарата. Важнейшим средством достижения терминологической точности являются научные определения. В качестве такого средства они выступают на всех этапах исследования. Расширение спектра вопросов, связанных с проблемой точности языка науки, появление новых направлений исследования этой проблемы требует углубленного анализа тех гносеологических и методологических оснований, которые могут обеспечить ее эффективную разработку.

Методологической основой, которая обеспечивает продуктивный анализ проблемы точности языка науки, является диалектико-материалистическая концепция гибкости понятий. В. И. Ленин, выражая сущность диалектического подхода к анализу гибкости понятий, писал: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная объективно, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»¹. Гибкость концептуального аппарата, движение и развитие понятий имеют своим источником постоянно развивающуюся действительность, в которой отсутствуют резкие разграничительные линии между отдельными предметами и явлениями. В. И. Ленин, давая материалистическую интерпретацию некоторых положений Гегеля, заметил, что у него «гениальна основная идея: всемирной, всесторонней, живой связи всего со всем и отражения этой связи... в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир»². Гибкость языка обеспечивает, в конечном счете, возможность его успешного функционирования в постоянно развивающемся мире. Язык, в котором границы понятий были бы строго очерчены раз и навсегда, не смог бы выразить принципиально новое содержание изучаемых явлений адекватным образом.

Гибкость понятий формировалась уже на ранних этапах развития человеческого знания. Она обеспечивала возможность переноса выработанных понятий из одной предметной области в другую и познание новых объектов на базе сложившихся познавательных средств. К. Маркс, излагая диалектико-материалистическую концепцию отражения внешнего мира в сознании человека, подчеркивал, что люди никоим образом не начинают с того, что стоят в теоретическом отношении к предметам внешнего мира. Они начинают с того, чтобы есть, пить, активно действовать, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворяя свои потребности. Постоянное повторение этого процесса приводит к тому, что в мозгу человека запечатлевается тот факт, что определенные предметы, их свойства и отношения, удовлетворяют потребности людей³. Выявляемое практикой отличие этих предметов от других закрепляется в обывденном языке посредством особых имен, выражающих признаки предметов, удовлетворяющих потребности человека. По этим признакам предметы объединяются в классы и таким путем в человеческом мыш-